

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЗМЫ

Обзор зарубежных публикаций

От редакции

Предлагаемая читателю статья открывает очередной этап осмысления и концептуализации проблем эволюции государственности в мировой политике. Автор ставит целью систематизировать подходы к деградации институтов государственности и использует широкий спектр терминов, более или менее устоявшихся в отечественных академических исследованиях: «несостоявшееся», «рухнувшее», «хрупкое» государство, «крушение» государства и др. Автор фокусируется прежде всего на содержательных расхождениях в определении качественных уровней состоятельности государства, что наряду с привлечением социологического подхода составляет новаторство данного исследования. Вместе с тем главной жертвой расширительной трактовки становится терминологическая стройность и последовательность, необходимая для продолжения предпринятого анализа в последующих работах других авторов.

Редакция пользуется этой возможностью, чтобы обратить внимание аудитории на плюрализм подходов и мнений к анализу категориального аппарата «несостоявшихся» государств, которые в разные годы публиковались на страницах нашего журнала. Дробление политического пространства и связанную с ним сложность понятийно-терминологического аппарата подробно систематизирует статья Ф. Попова «От “безгосударственной территории” к “государству де-факто”» // Международные процессы. Т. 9. № 2(26). 2011. Диалектическое взаимодействие «стабильности» и «устойчивости» государства анализирует М. Хрусталёв в статье «Международные аспекты социально-политической стабильности» // Международные процессы. Т. 6. № 2(17). 2008. Оценке взаимозависимости вызовов международной безопасности и государств в континууме «слабых» (weak) и «гибнущих» (failing) до «неудавшихся» (failed) государств посвящена статья М. Минаева «Проблематика “слабых государств” в американской аналитике» // Международные процессы. Т. 5. № 2(14). 2007. Термином «неудавшиеся государства» при анализе тенденций развития мирового порядка и международной безопасности оперируют А. Фененко и А. Батюк.

Будем рады, если дискуссия, направленная в том числе на уточнение терминов, продолжится.

ЧТО ТАКОЕ КРУШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА?

ДМИТРИЙ ШЕВСКИЙ

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

В статье рассматриваются наиболее значимые попытки концептуализации в социальных науках того, что условно можно обобщить как *крушение государства*. В первую очередь рассматриваются концепты *крушения государства*, нашедшие отражение в различных индексах. Одним из самых известных стал *индекс несостоявшихся государств (failed state)*, позже превратившийся в *индекс хрупкости государств (fragile state)*. В этом концепте исследователи увидели чрезмерную политизированность, а также европоцентризм, так как он был построен на фундаменте веберовского понимания государства, которое возникло при анализе именно европейских политий. Ещё одна проблема веберовского понимания государства заключается не только в том, что построено оно было на специфической «выборке», но и потому, что оно оказывается спорным и при рассмотрении в исторической перспективе. Так как индексы строились для практических целей, то полноценное теоретическое обоснование идея государственной недееспособности получила в концепте *государственной (не)состоятельности (state (in)capacity)*. После анализа существующих подходов показано, что все они так или иначе указывают на проблемы качества управления, сбора налогов и контроля над средствами насилия. Тем не менее исследователям не удалось решить проблему демаркации, так как не были установлены конвенциональные пороговые значения и средства измерения. Ещё одним значимым направлением осмысления вызовов государственности стала теория *государственного коллапса (state collapse)*, близкая к концепту уменьшения *государственной состоятельности*. Тем не менее первая в отличие от последней содержит попытку произвести концептуализацию с пороговыми значениями. Социологи, в свою очередь, предложили концепт *государственной дезинтеграции (state breakdown)*, который относится к ситуации фискального кризиса и конфликта элит в условиях массовых восстаний. Как показано на основании анализа социологической и антропологической литературы, к этим признакам можно добавить ещё делегитимацию (смену самоописания системы) и потерю части территории.

Ключевые слова:

крушение государства; рухнувшее государство; хрупкое государство; государственная состоятельность; государственный коллапс; государственный брейкдаун; макросоциология.

Крушение государства – одна из ключевых исследовательских тем в общественных науках. Такой интерес обусловлен в первую очередь возможными последствиями этого феномена как для простых граждан, так и для международного сообщества. Понимание причин и механизмов этого

процесса необходимо не только с точки зрения практических целей (например, для прогнозирования), но и для теоретического осмысления, так как оно проливает свет на механизмы функционирования сложных социальных систем. При всей значимости названной темы среди исследова-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-111-50550.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.07.2020

Дата принятия к публикации: 26.01.2021

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: shevskiyd@mail.ru

телей нет консенсуса о закономерностях крушения государств, что особенно ярко проявляется при рассмотрении конкретных случаев.

Отмеченное нами отсутствие консенсуса обусловлено отчасти недостатками в экспликации и операционализации предмета исследования. Почему это важно? Согласно современным методологическим требованиям общественных наук для выявления каузальных связей исследователь должен сначала чётко определить интересующие его параметры (*outcomes*) предмета изучения и только после этого выявлять (с разной степенью вероятности) факторы, которые сделали изучаемое явление возможным (подробнее см., напр.: [George, Bennett 2005; Trampusch, Palier 2016]).

Социологи, специалисты по международным отношениям, политологи и историки рассматривают *крушение государства* в рамках своих областей знания, в результате чего нередко возникает путаница в понятийном аппарате и существующих объяснениях. Предлагаемая статья ставит своей целью дать обзор того, что в научной литературе обычно понимают под *крушением государства*. Такого рода систематизация может служить отправной точкой для дальнейших концептуализаций и исследований.

С учётом заявленной постановки задачи возникает методологическая трудность: что именно обозревать? Термины, которые так или иначе можно отнести к *крушению государства*, или собственно подходы к их определению? Проблема заключается в том, что зачастую авторы могут использовать одно и то же понятие, вкладывая в него разный смысл, и наоборот, разные слова могут отсылать к одному и тому же пониманию явления. Как будет показано в статье, подходов к интерпретации терминов гораздо больше, чем самих терминов. В этой связи в статье существующие концепции сгруппированы по терминам, к которым они отсылают.

Следующая методологическая трудность: *крушение государств* какого типа следует рассматривать? Современные государства сильно различаются между собой — соб-

ственно систематизация типов государств требует отдельного исследования.

Не менее трудный вопрос — насколько типологически схожи ныне существующие государства и их исторические предшественники? Можно ли сравнивать Египет периода Нового Царства и Украину 2000-х — 2010-х годов? Для решения данного вопроса В. Дж. Патцельт [Патцельт 2014] предложил использовать специальный подход *эволюционной морфологии*, позволяющий обнаружить глубинные структуры (*гомологии*), которые детерминируют социальную динамику, и формулировать то общее, что объединяет разнообразие исторические и современные явления.

Исходя из вышесказанного, в настоящей статье сначала будет дан краткий обзор истории концепта *рухнувших (failed) и хрупких (fragile) государств*, затем концепта *государственной состоятельности (state capacity)* и коллапса государств, а в заключение будет рассмотрен социологический подход к *государственной дезинтеграции (state breakdown)*.

1

Широкую известность в 2000-х — 2010-х годах получил концепт *несостоявшихся государств (failed state)*, позже трансформировавшийся в концепт *хрупкости (fragile state)*. В числе прочего популярности этих понятий способствовали попытки создания различных индексов на их основе.

Первое упоминание идеи *несостоявшегося государства* относится, по-видимому, к 1992 году [Woodward 2017: 28], когда в журнале *Foreign Affairs* была опубликована статья с соответствующим названием [Helman, Ratner 1992]. Одна из ранних попыток измерить степень несостоятельности [Cooley, Snyder 2015: 86] была сделана в 1994 г. в проекте рабочей группы *State Failure Task force* (переименована в 2003 г. в *Political Instability Task Force*, PITF). Авторы проекта выделили четыре типа несостоятельности государств: революционные и/или этнические войны, резкая смена режима, геноцид и политцид [Esty et al. 1995: 2]. Как можно заметить, три из четы-

рёх предложенных типов относятся к проблеме насилия и/или отсутствия контроля над ним со стороны государства, что отсылает к пониманию государства, предложенному Максом Вебером (см. ниже).

С 2004 г. концепт *государственной несостоятельности* сменился идеей хрупкости государств [Cooley, Snyder 2015: 87]. Одним из главных факторов, который обусловил это изменение, стала внешняя политика США в период президентства Дж. Буш-младшего [Woodward 2017: 48]. Критически настроенная общественная и научная мысль указывали на то, что именование государства несостоявшимся несёт в себе предвзятость и, сверх того, даёт оправдание военным интервенциям. Был и ещё один фактор смены названия: концепцию *несостоятельности* использовали и разрабатывали преимущественно политические аналитики, а идея *хрупкости* получила распространение среди государственных и международных организаций [Nay 2013: 327].

В литературе имеется множество попыток определения как несостоявшихся, так и хрупких государств. Для первых, в частности, предлагали следующие критерии: невозможность обеспечения общественных благ (включая безопасность) [Rotberg 2004: 2], неэффективность и нелегитимность [Goldstone 2008: 286], дефицит безопасности, легитимности и эффективности [Brinkerhoff 2007: XVI]. Для хрупких государств: недостаток политической воли и/или способности выполнять базовые функции по сокращению уровня бедности, развитию, безопасности и обеспечению реализации прав человека [OECD 2007]; нелегитимное и неэффективное правительство [USAID 2005]².

Даже приведённого неполного перечня достаточно, чтобы понять, что основные определения касаются так или иначе

эффективности, безопасности и легитимности. Проблема эффективности тесно связана с бюрократическим аппаратом, однако эту связь теоретики рассматриваемых концепций оставляли за рамками своих исследований. Безопасность и легитимность отсылают к пониманию государства М. Вебером как монополии на легитимное насилие [Вебер 1990: 645]. Одна из проблем веберовского определения заключается в том, что оно опирается на опыт европейских политий, а потому критики часто обвиняют разработчиков концептов *несостоявшихся* и *хрупких* государств в европоцентризме [Vøås, Jennings 2007; Eriksen 2011; Chojnacki, Menzel 2015; Dingli 2013; Nay 2013]. Тем не менее предложенное М. Вебером понимание государства по-прежнему остаётся признанным в политической науке (см., напр.: [vom Hau 2015]). Концепт легитимности многократно становился предметом исследования учёных, особенно политологов, но до сих пор нет конвенционального верифицируемого его понимания.

Монополия на насилие — более осязаемый признак государства, а потому рассмотрим его подробнее. Этот критерий вызывает обоснованные сомнения в своей релевантности как среди историков и антропологов, так и среди современных политологов. Начнём с историко-антропологических аргументов: монополию на насилие как признак государства кладёт в основу, например, известный антрополог Э. Геллнер, говоря о необходимости наличия институциональных форм принуждения, в первую очередь — полиции и суда [Геллнер 1991: 28]. Возникает закономерный вопрос: насколько этот признак релевантен в исторической перспективе? Такой критерий позволил некоторым учёным отказать в статусе государства Афинскому полису в период его

¹ В 2015 г. ОЭСР несколько изменила своё понимание и определила риски хрупкости в пяти сферах: 1) насилие; 2) равенство перед судом; 3) эффективные, подотчётные и инклюзивные институты; 4) экономическое процветание (foundations); 5) способность адаптироваться к социальным, экономическим и экологическим потрясениям и катастрофам [OECD 2015].

² Другие определения несостоявшихся и хрупких государств см., напр.: [Bah 2012: 72–73; Call 2011: 305–306; Nay 2013: 328–329; Cooley, Snyder 2015: 88–90]. О различных попытках создания индексов см.: [Коротаяев и др. 2018].

расцвета [Берент 2000]. Более того, некоторые политические антропологи полагают, исходя из другого понимания сущности государства, что на ранних этапах политогенеза такая монополия присутствовала далеко не всегда [Гринин 2010: 160]. Отказ считать Афины классического периода государством свидетельствует скорее не об изъянах подхода, а о том, что Афины не были государством, вот почему нужны другие аргументы, показывающие неполноту веберовского определения.

Неоднозначность критерия *монополии на насилие* как признака государства заключается в том, что такая монополия, следуя логике, является древнейшей формой организации социума. Использование насилия политией нужно для того, чтобы наказать нарушителей законов, а законы по сути представляют собой запреты, которые уже существовали даже в явно догосударственных обществах [Белков 1995: 172–173]. Известный антрополог А. Рэдклифф-Браун полагал, что применение насилия за нарушения законов (в их зачаточной форме) осуществлялось и в отсутствие института уголовного права на ранних этапах социальной эволюции. Причём любая политическая система (не обязательно государство) занимается регуляцией применения насилия [Radcliffe-Brown 1987: XVII, XXIII]. В качестве подтверждения можно привести пример Лиги ирокезов – негосударственного децентрализованного общества Северной Америки, в которой была практика вынесения смертного приговора старейшинами [Воробьёв 2002: 187]. Конечно, данный факт не свидетельствует о наличии монополии на насилие, учитывая иные, горизонтальные практики улаживания конфликтов, в том числе и уголовных, однако претензию на легитимную монополию отрицать нельзя.

К политологической критике веберовского понимания государства можно отнести работу Роберта Бейтса с соавторами [Bates et al. 2002]. Используя теорию игр и конкретные примеры исторических и современных негосударственных обществ (племена кикуйю в Кении) и государств (Либерия), эти исследователи показали,

что контроль над насилием возможен и вне государства, а может и отсутствовать в государстве. Даже без специального управленческого аппарата можно контролировать уровень насилия, что приведёт к положительной экономической динамике. Такая закономерность характерна не только для современного мира, но и для исторической динамики: Бейтс описывает несколько примеров в Европе эпохи Средневековья. Можно добавить и случай из истории Ближнего Востока: на территории современного Йемена до нашей эры существовало Сабейское царство, которое распалось сначала на вожества, а позже и вовсе на племена. Несмотря на упрощение политической структуры и исчезновение государства, порядок там сохранился. Более того, это политическое упрощение сопровождалось ростом экономических и культурных связей, включая даже относительно развитую законодательную систему, благодаря наличию единой идеологии [Коротаев 1993; 2002]. Из новейших примеров обратного, когда в существующем государстве отсутствует монополия на насилие, можно отметить события в Украине в начале 2017 года. В тот период вооружённые группы активистов заблокировали поставки угля из Донбасса и оказывали сопротивление сотрудникам правоохранительных органов.

Исходя из вышесказанного очевидно, что веберовское понимание государства базируется исключительно на анализе европейского опыта Нового времени и вряд ли способно претендовать на универсальность.

Критика концептов *несостоявшихся* и *хрупких государств* указывает не только на неуниверсальное понимание государства, но и на их политическую ангажированность. В самом деле, именно теоретическая конструкция *несостоявшихся* и *хрупких* государств позволила «научно» обосновать изменения стратегии национальной безопасности США и тем самым легитимизировать введение войск в Афганистан и Ирак [Woodward 2017]. Помимо того, в адрес рассмотренных концептов высказано множество критических замечаний различной степени теоретической фундирован-

ности (см., напр.: [Nay 2013; Call 2008, 2011; Бартнев 2017]). В контексте задач настоящей статьи одной из главных проблем концептов *несостоявшихся* и *хрупких* государств предстаёт отсутствие чётких критериев и пороговых значений, на основании которых можно установить, когда происходит *крушение государства*. Данные концепты скорее отсылают не к локализованному во времени явлению, а к процессу, состоянию государственной дисфункции.

На основании вышесказанного можно заключить, что с исследовательской точки зрения данные концепты не представляют особой теоретической значимости ввиду теоретической неполноты и невозможности произвести верификацию.

2

Концепты *несостоявшихся* и *хрупких* государств создавались преимущественно для практических целей (в основном через индексы), в первую очередь для администрации США и международных организаций, а потому задача их глубокой теоретической разработки не была первостепенной. Между тем серьёзное обоснование получил концепт *государственной состоятельности* (state saracity). Несмотря на то что он не связан напрямую с теориями крушения государств, обращение к связанной с ним литературе поможет пролить свет на некоторые проблемные вопросы, приведённые в предыдущем разделе.

Концепт *государственной состоятельности* опирается на давнюю научную традицию и, соответственно, на большие объёмы исследований, а потому настоящий раздел даёт лишь краткое его рассмотрение (подробные обзоры на русском языке см.: [Мелешкина 2011; Мельвил, Ефимов 2016]). Первым это понятие ввёл американский политолог Джон П. Неттл [Nettl 1968]. Он предложил рассматривать государство в двух аспектах: территориальном — насколько государство способно подчинять других локальных властных акторов и функциональном — сколько функций оно готово выполнять. Статья Неттла носила очень обобщённый, даже несколько

философский характер, но идея была подввачена множеством исследователей.

Несмотря на то что этот концепт сейчас разрабатывается преимущественно в политологическом дискурсе, важный вклад в его развитие внесли представители исторической социологии. Так, например, Майкл Манн [Mann 1984, 1986] предложил анализировать государства сквозь призму понятий *деспотической* и *инфраструктурной* властей. Первая предполагает возможность государственной элиты действовать без консультаций с другими политическими игроками (Манн их называет *гражданским обществом*). *Инфраструктурная* власть отчасти похожа на то, что описал Неттл: это степень проникновения государства «вглубь». Манн выделил четыре типа государств, исходя из низкой/высокой степени *инфраструктурной* и *деспотической* властей. На протяжении большей части исторического процесса доминировала *деспотическая власть* при слабой *инфраструктурной*, а в современном мире уже *инфраструктурная* при слабой *деспотической*.

Подход Манна оказал существенное влияние на последующее изучение государственной состоятельности [Berwick, Fotini 2018: 74, Fortin-Rittberger 2014; Soifer 2008]. К примеру, Ф. Фукуяма при анализе современных США предложил разграничивать *сферу* (scope) и *силу* (strength) *государства*. Последняя понимается как способность государства «планировать и осуществлять политику, а также обеспечивать соблюдение законов честно (cleanly) и прозрачно», что Фукуяма называл *институциональным аспектом государства* [Fukuyama 2004: 7]. Схожие идеи обнаруживаются и в *индексе слабости* (weakness) государств — слабыми считаются те образования, которые в силу отсутствия возможностей или воли не могут обеспечить стабильный экономический рост, поддерживать подотчётные институты, контроль над насилием и гарантировать удовлетворение базовых потребностей населения [Rice, Patrick 2008: 3].

Влиятельными в рассматриваемой области стали работы Чарльза Тилли, который показал, что между становлением совре-

менных государств и развитием системы налогообложения существует тесная связь, которая и привела к появлению современного типа бюрократии [Тилли 2009].

Тогда Скочпол, представитель исторической социологии, стояла у истоков целого направления в понимании сущности государственной состоятельности. Она писала, что стабильный административно-военный контроль над территорией, профессиональная и образованная бюрократия и изобилие материальных ресурсов образуют основание государственной состоятельности [Skocpol 1985: 16]. В различных вариациях три названных параметра стали доминирующими в научной литературе. Упомянутый выше Фукуяма, разбирая вопрос о том, как измерить государственную способность, предложил наряду с фискальной эффективностью учитывать и уровень образованности и профессионализации бюрократии [Fukuyama 2013: 7]. К. Хендрикс практически полностью вторит Скочпол: для него государственная состоятельность включает в себя военную, административно-бюрократическую способности, качество и взаимосвязанность политических институтов [Hendrix 2010]. Эти три параметра, которые условно можно обозначить как «фискально-экономический, административно-бюрократический и военно-принудительный» [Мельвил, Ефимов 2016: 50] не утрачивают своей популярности [Hanson, Sigman 2013; Ахременко и др. 2019a].

Второе направление исследований вдохновили труды французского философа М. Фуко, в частности его идея *правительственности* (*gouvernementalité*) [Фуко 2011] (подробнее см.: [vom Nau 2015]). В рамках этого подхода исследователи пытаются определять общую способность государства через его возможности и эффективность сбора информации о населении [Lee, Zhang 2016].

Предпринимались попытки совместить оба подхода, измеряя степень государственной способности через возможности управления материальными, человеческими и информационными ресурсами [Lindvall, Teorell 2016].

Ключевым следствием разработки рассматриваемого концепта с точки зрения настоящей статьи стали попытки измерить государственную состоятельность [Lindvall, Teorell 2016; Ахременко и др. 2019b]. Проблема заключается в том, что их основная цель – сравнение различных государств, а не выявление пороговых значений или признаков. Тем не менее при дальнейшей разработке таких индексов, когда появятся динамические ряды, можно будет строить новые теории и искать эти пороговые значения.

Как показал предшествующий обзор, в отличие от двух предыдущих концептов (*несостоявшихся и хрупких государств*), концепт государственной состоятельности преодолевает узость веберовского понимания государства и пытается учитывать другие параметры (бюрократию и налоговую функцию), что даёт более полную картину для анализа политической динамики государства. Хотя идея крушения государства в рамках этого подхода не рассматривается, его наработки оказали непосредственное влияние на концепт государственного коллапса.

3

Значимым понятием, способным пролить свет на идентификацию признаков *крушения государства*, стал концепт *государственного коллапса* (*state collapse*). Множество работ, использующих это понятие, можно разделить на два больших блока: исторический и политологический. Начнём с исторической литературы, поскольку именно здесь термин «коллапс» был введён в научный оборот.

Американский археолог Колин Ренфрю в 1984 г. предложил четыре признака коллапса раннего государства (с конкретным перечнем археологических признаков): 1) коллапс центральной административной организации; 2) исчезновение традиционных правящих элит (*elite class*); 3) коллапс централизованной экономики; 4) падение численности населения [Renfrew 1984: 367–368]. Как можно заметить, пункты 1 и 3 относятся к упрощению политической системы, а так как со времён Г. Спенсера

среди историков, антропологов и археологов идея увеличения/уменьшения сложности довела над теоретическим осмыслением прошлого, логично было ожидать появления более комплексной теории.

В 1988 г. Джозеф Теинтер дал самое известное и популярное определение *коллпаса*: уменьшение уровня стратификации и социальной дифференциации, снижение экономической и профессиональной специализации, уменьшение централизованного контроля и организации, снижение уровня редистрибуции ресурсов, потеря территории и др. [Tainter 1988: 4]. Многие определения так или иначе исходят из определения Теинтера: коллапс понимают как «быстрое (в течение нескольких поколений) снижение социально-политической сложности или гибель конкретной политической системы» [Faulseit 2015: 5], иногда добавляя к этому описанию отказ от предшествующей идеологии [Schwartz 2006: 6] или, подобно Ренфрю, сокращение численности населения [Даймонд 2008: 9]. Отмечают также, что *коллпас* «невозможно остановить или контролировать посредством постепенного изменения поведения, распределения ресурсов или институциональных ценностей» [Yong et al. 2007: 450]³. Заметим, что историческое понимание этого явления очень сильно пересекается с представлениями об уменьшении *государственной состоятельности*.

Проблема трактовки *коллпаса* исторической наукой заключается в том, что если коллапсировавшие образования в прежние исторические эпохи трансформировались в другие государства (из-за территориальной дезинтеграции, например) или были завоеваны соседями [Ottaway 2003], то сейчас зачастую остаются в прежних территориальных границах (Сомали, Афганистан). В начале XXI века, когда количество переживающих социально-политические потрясения государств относительно велико, стало очевидно, что они имеют разную политическую динамику (например, Сомали,

которое распалось на фактически независимые части, и Ирак, который хоть и не имеет политической стабильности, но остаётся относительно единым). Исходя из этого, а также из-за отсутствия в исторической науке систематических разработок инструментария для измерения социополитического упадка, политическая наука движется независимым путём.

Политологи часто используют термин «коллпас» как синоним к *несостоявшемуся государству* (см., напр.: [Englehart 2007; Cooley, Snyder 2015: 87]) или как крайнюю его форму (см., напр.: [Rotberg 2004: 9; Chojnacki, Menzel 2015: 746]). Это свидетельствует, что разработчики концепций *несостоявшихся государств*, не ставя перед собой такой задачи, не выработали чётких критериев для разграничения состояний *несостоявшегося* и *коллапсировавшего* государств [Milliken, Krause 2002: 765], однако активно их использовали, внося дополнительную путаницу. В данном контексте следует упомянуть невнятную попытку определить *коллапсировавшее* образование как государство, которое пользуется международным признанием, но фактически не способно эффективно контролировать свою территорию [Ottaway 2003].

Другое направление политической мысли в стремлении дистанцироваться от зашедшего в тупик концепта *несостоявшегося государства* предложило ряд критериев. Хотя эти усилия не увенчались однозначным успехом, важно констатировать, что здесь, как и в разработке концепта *государственной состоятельности*, отчётливо прослеживается намерение преодолеть узость веберовского понимания.

Некоторые политологи, разрабатывая концепт *коллпаса*, предлагают отталкиваться от крайних случаев, давая минималистские определения. Одно из главных минималистских определений было предложено в 1995 г. Уильямом Зартманом. Он предложил трактовать коллапс как неспособность государства выполнять традиционные функции, к числу которых он отно-

³ Критический обзор этих и других определений см.: [Middleton 2012, 2017].

сил суверенную власть («признаваемый (asserted) источник идентичности и политическую арену»), принятие решений и обеспечение безопасности [Zartman 1995: 5]. Такое понимание иногда используется и сейчас без каких-либо оговорок (напр.: [Doornbos 2010: 3]).

Чарльз Колл, один из критиков концепта *рухнувшего государства* (см. выше), предложил чёткий идентификатор *коллапса*: остановка работы государственного аппарата более чем на полгода. Колл подчёркивает, что речь идёт не об отдельных министерствах, военном положении или потере контроля над частью территории, а о полном прекращении функционирования [Call 2008: 1501]. Проблема заключается в том, что и распад СССР, и современный Афганистан удовлетворяют этому критерию (о чём говорит сам Колл), однако представляется неоправданным объединять в одну категорию случаи мирного перехода функций от одного государственного аппарата к другим (СССР) и полную недееспособность государственного аппарата, от которого официально не отказывались (Афганистан).

Д. Алфелдер предложил рассматривать *коллапс* как дезинтеграцию, в условиях которой государство не способно организовать порядок, как минимум, на половине своей территории в течение 30 дней при следующих условиях: 1) восставшие эффективно контролируют часть территории; 2) на территории вообще не соблюдаются законы; 3) оба условия⁴. Недостатки этого определения те же, что и у разработок Колла.

Наиболее значимой нам видится попытка группы авторов [Lambach et al. 2015] не только дать определение, но и, сверх того, на основе положений концепта *государственной состоятельности* использовать для фиксации коллапса три параметра:

– прекращение работы органов права (*rule making*): например, прекращение

работы верховного суда, бегство правительства или парламента;

– потеря контроля над средствами насилия: к примеру, роспуск сил безопасности или отсутствие контроля над столицей;

– крах налоговой системы: например, отсутствие утверждённого бюджета, прекращение работы центрального банка.

Как мы видим, эти параметры соответствуют трём критериям государственной состоятельности (административная, военная, фискальная), доведённым до предела.

Несмотря на то что авторы отказываются включать в список коллапсировавших государств СССР и Югославию, так как крушение этих стран не соответствовало, как минимум, одному критерию, предложенное ими понимание коллапса выглядит перспективным. Остаётся нерешённым вопрос: если кризис в Боснии и Герцеговине 1992 г. стал коллапсом государства, а распад Югославии таковым не был, что пережила эта страна в 1991 году? Ответ на него дали социологи.

4

Ещё один концепт, рассматривающий крушение государства, — *state breakdown* — значительно реже употребляется в литературе, в силу чего вызывает меньше дискуссий. Понятие *breakdown* (без *state*) в политологии зачастую употребляется как синоним *смены режима* (см., напр.: [Pepinsky 2009; Lehoucq, Pérez-Liñán 2014; Geddes et al. 2014, 2018]), которая выходит за рамки интересов настоящей статьи.

Для начала встаёт проблема перевода англоязычного термина *state breakdown*. В литературе предлагались варианты: крушение государства (ср.: [Collins 1995: 1560 и Коллинз 2008: 13; Turchin 2003: 118 и Турчин 2010: 172]), *распад государства* (ср.: [Collins 1995: 1560 и Коллинз 2000: 243]) и *разрушение государства* [Нефедов 2007: 77]. Тем не менее выбор оптимального перевода стоит отложить до разбора самого концепта.

⁴ Ulfelder J. «State Failure» has Failed. How About Giving «State Collapse» a Whirl? 2012. Режим доступа: <https://dartthrowingchimp.wordpress.com/2012/07/05/state-failure-has-failed-how-about-giving-state-collapse-a-whirl/> (дата обращения: 15.05.2020).

По-видимому, первым термин *state breakdown* ввёл американский социолог Дж. Голдстоун в 1991 году [Goldstone 1991]. Уместно подчеркнуть, что многие авторы рассмотренных ранее концептов не давали определения используемым терминам, в результате чего возникало множество проблем для дальнейшего их использования [Lambach et al. 2015]. Этого недостатка у Голдстоуна нет. Для начала он постулировал, что государство – это «централизованные на национальном уровне институты принятия и исполнения решений, включая тех, кто контролирует эти институты, действуя в рамках официальных полномочий» [Goldstone 1991: 4]. Соответственно, Голдстоун определял *state breakdown* как «любое событие, которое включает кризис центральной власти, мятеж элит, массовые восстания и широкое распространение насилия или гражданскую войну» [Goldstone 1991: 12]. Несколько скорректировал приведённое понимание социолог Рэндалл Коллинз, который отказался от критерия массового насилия, заменив его на массовую мобилизацию. Он формализовал концепт *state breakdown* как включающий следующие характеристики: структурный кризис государства, зачастую в форме фискального кризиса (который часто является следствием поражения в войне); тупиковое разногласие (*deadlock*) элит по поводу дальнейших действий; массовая мобилизация снизу [Collins 2011: 578].

Недостаток этих критериев заключается в том, что они не выявляют *крушение государства*, а лишь свидетельствуют о серьёзной политической дестабилизации. Среди примеров *state breakdown* Голдстоун рассматривает и мятеж элит (Фронда во Франции XVII века), и гражданскую войну (в Англии в середине XVII века), и революцию (Франция 1789).

Благодаря успешной формализации [Goldstone 1991; Turchin 2013] данные критерии могут использоваться в качестве базовых для любой серьёзной политической дестабилизации и отправной точки для выявления признаков крушения госу-

дарства. Тем не менее прежде предстоит выяснить, соответствует ли предложенное Голдстоуном понимание *state breakdown* как *крушения государства* положениям современной общественной науки.

Начать рассмотрение признаков стоит с критериев, базовых и общих для всех серьёзных политических кризисов. Как было сказано ранее, такой список был предложен Голдстоуном: фискальный кризис, конфликт элит, массовые восстания.

В рамках макросоциологии фискальное благополучие государства (*State Fiscal Distress*) определяется формулой

$$SFD = \frac{Y}{G} D,$$

где Y – общий долг государства, G – ВВП, D – коэффициент, отражающий степень недоверия граждан к государству [Turchin 2013: 247].

Между тем фискальный кризис проявляет себя не только в государственном долге, но и, например, в несбалансированности бюджета или неэффективности его менеджмента. Его главный признак состоит в том, что государство существенно ограничивает выплаты бенефициарам режима или вовсе отказывается от соответствующих обязательств.

Если установление фискального кризиса проблем не вызывает, то как определить второй признак – разобщённость элит? Ведь демократическая система предполагает соревновательный элемент среди элит(ы), а потому нужны чёткие критерии, которые позволят отличить разногласие (конфликт) элит от рядового соперничества.

Изначально следует определить, что стоит за понятием «элита». Данному вопросу посвящено множество работ, и даже их обзор – тема отдельного исследования. Более того, акцентирование внимания на тех или иных аспектах элит зависит как от аксиологических и эпистемологических оснований исследователя, так и от конкретных целей исследования (обзор современных теорий элит см.: [Best, Higley 2018]). В дальнейшем под элитой мы будем понимать «группу правителей, обладаю-

щих возможностями присваивать себе ресурсы неэлит и входящих в обособленный организационный аппарат. Элита сама по себе определяется характеристиками организационного аппарата, в который входит» [Лахман 2010: 31–32]. Элита концентрирует в своих руках принудительные (исполнительные), экономические, административные и идеологические формы власти [Mann 1986; Turchin et al. 2017: 161]. Такое понимание очень удобно по многим причинам: *во-первых*, из него можно вывести многие следствия, которые отлично согласуются со всем ранее сказанным, *во-вторых*, оно контекстуально («элита сама по себе определяется характеристиками организационного аппарата, в который входит»).

В некоторых исследованиях для оценки риска конфликта элит используется показатель потенциал мобилизации элит (*the elite mobilization potential, EMP*), который вычисляется формулой

$$EMP = \varepsilon^{-1} \frac{E}{sN},$$

где ε^{-1} означает обратный относительный доход элит, E – численность элиты и означает количество государственных служащих относительно численности населения» [Turchin 2013: 247].

Обратный относительный доход элиты рассчитывается через соотношение с относительной заработной платой. Относительная заработная плата – это процент реальной заработной платы от ВВП на душу населения. Считается, что излишек, остающийся от ВВП на душу населения после вычета реальной заработной платы, и составляет доход элиты.

Тем не менее уменьшение благосостояния среди элит не ведёт к конфликту, если нет самоорганизации для борьбы: нужен дискурс, который не только выполнит функцию объединения, но и станет основанием для дальнейших конкретных действий. Отсюда следует, что часть элиты будет пытаться создать (или реализовать) собственные основания для изъятия ресурсов и собственную организацию. Данная ситуация в современном макросоциологи-

ческом и политологическом дискурсе рассматривается как *множественный суверенитет*: часть элиты объявляет себя истинным правительством, собирающим налоги, имеющим символы власти и т.д. [Tilly 1978: 190–193]. Исторические примеры множественного суверенитета – это противостояние сторонников Учредительного собрания и большевиков, приведшее к гражданской войне, или борьба союзного правительства и РСФСР в 1990–1991 годах. Такое противостояние необязательно носит идеологический характер; иногда сам факт отказа признания законных правителей свидетельствует если и не об отказе от предшествующего легитимизирующего дискурса, то, как минимум, о его игнорировании. Хорошо идентифицируемым признаком множественного суверенитета можно считать наличие вооружённых сил, неподконтрольных государственной власти, но претендующих на выражение её интересов.

Потенциал массовой мобилизации (*Mass Mobilization Potential, MMP*) оценивается по формуле

$$MMP = w^{-1} \frac{N_{urb}}{N} A_{20-29},$$

где w^{-1} – относительная заработная плата, N – общее количество населения, N_{urb} – доля городского населения, A_{20-29} – доля людей в возрасте от 20 до 29 лет [Turchin 2013: 246].

Исходя из вышесказанного и трёх представленных характеристик *state breakdown* несложно вывести дополнительные признаки, идентифицирующие его полнее. Начнём с общего. Так как государство (и любая иная форма социальной организации) может существовать только при наличии легитимизирующего дискурса (самоописания), то первым важным признаком прекращения существования государства становится отказ от этого дискурса. Важно отметить, что дискурс может меняться не так радикально, как это было при распаде СССР или Югославии, но и менее заметно, как это произошло в Украине после февраля 2014 года [Shevsky 2020: 13].

Для того чтобы новый оппозиционный дискурс был воспринят, нужны следующие условия: 1) в элитах не должно быть единства, в противном случае они смогут пресечь попытки сделать такой дискурс популярным; 2) новый дискурс должен быть выражен одной из существующих групп элит либо поддержан ей [Foran 1997; Lachmann 1997]. Ещё одно важное следствие конфликта элит связано с территориальностью. Как уже говорилось, часть элиты, претендующая на легитимность и имеющая свой дискурс, будет стремиться к собственной организации с обретением контроля над какой-либо территорией в рамках существующих границ государства. Такой контроль в конкретных случаях может проявляться различно: отсоединение, присоединение к другому государству, непризнание существующих властей и др. Именно по этой причине территориальность, несмотря на критические замечания некоторых авторов, зачастую выступает важной переменной при оценке политической динамики [Collins 2011; Li J. 2002; Li R. 2002].

Недовольство существующими порядками как среди части элиты, так и среди населения со всей очевидностью вызвано неэффективностью государственного управления в самом широком смысле этого слова. Ведь эффективное государство в состоянии предотвратить намечающийся конфликт элит, а население не будет видеть причин, чтобы поддерживать одну из противостоящих группировок. Один из самых надёжных критериев неэффективности государства — фискальный кризис, который заставляет вести поиск дополнительных ресурсов как внутри страны (вызывая обнищание населения), так и за её пределами (практически всегда со сменой вектора внутренней и/или внешней политики). Для того чтобы элиты могли изменить существующие порядки, не прибегая к перевороту, необходима массовая мобилизация

населения в различных формах, будь то восстания, бунты, мирные демонстрации. Мобилизация также может принимать институционализированные формы (например, Съезд народных депутатов в СССР).

Подводя итог анализу концепта *state breakdown*, к трём упомянутым пунктам необходимо добавить, как минимум, два, в результате чего мы получаем перечень явлений, каждое из которых должно присутствовать в исследуемых случаях:

- 1) отказ от предшествующей идеологии (смена самоописания);
- 2) конфликт элит;
- 3) территориальный распад;
- 4) фискальный кризис;
- 5) массовые восстания⁵.

Вместе с тем и такое понимание *state breakdown* вызывает серьёзные проблемы: например, в одном ряду оказываются распад СССР и Югославии, события в Эфиопии в начале 1990-х и в Украине в 2014 году. Более того, современные Сомали и Ливия также структурно тождественны указанным случаям. Таким образом, и этот концепт требует дальнейшей теоретической доработки.

Вернёмся к вопросу о переводе термина *state breakdown*. Как видно, перевод *крушение/разрушение* не совсем точен, поскольку на одной линии оказываются совершенно несхожие случаи, а перевод *распад* неполон. То есть оба перевода не отображают адекватно семантические свойства рассматриваемого термина. Так как этот концепт имеет чёткие характеристики, а число его приверженцев невелико (Голдстоун и Коллинз), мы предлагаем два возможных варианта: оставлять этот термин без перевода и писать *государственный брейкдаун* (так у [Нефедов 2007: 77]), либо переводить его *дезинтеграция государства*.

* * *

Одна из ключевых трудностей в понимании сущности *крушения государства* состоит в обилии схожих понятий: падение,

⁵ Для идентификации смены самоописания, территориальной дезинтеграции и массовости восстаний могут использоваться, например, базы данных CNTS, Polity IV, Correlates of War, но это тема отдельного исследования.

распад, несостоятельность, коллапс и др. Столь же обширный выбор предлагает английский язык (например, *failure, fall, collapse, dissolution, breakdown, disintegration*). Многие авторы часто используют различные слова как взаимозаменяемые, а попытки формализации терминологии пока не увенчались успехом.

Как показал предшествующий обзор, в науке бытуют несколько пониманий такого явления, как *крушение государства*. Наиболее перспективными выглядят два подхода. Первый ставит во главу угла функции государства: административную, военную и фискальную и, соответственно, их потерю. Второй акцентирует внимание на дестабилизации системы: смене самоописания, конфликте элит, территориальной дезинтеграции, фискальном кризисе и массовой мобилизации. Важно отметить, что эти подходы не противоречат друг другу. Потеря административной и военной дееспособности государства пересекается с конфликтом элит и территориальной дезинтеграцией; не всегда, но очень часто также сопровождается отказом от предшествующего самоописания и массовыми

восстаниями, а фискальный (бюджетный) кризис в качестве характерного признака признают оба подхода. Тем не менее в этих подходах используются разные критерии для вычленения признаков, что обусловлено как целями конкретных исследований, так и отраслью знания, в которой каждый подход используется.

В рамках обоих подходов обнаруживается теоретико-методологическая проблема: очевидно несхожие случаи могут удовлетворять одинаковым критериям, а потому перспективной представляется комбинация рассмотренных концептов. Одним из вариантов решения указанной проблемы может служить критерий существования государства как субъекта международного права, что позволит чётко разграничить, к примеру, случаи распада СССР и современного Афганистана, а критерий государственной состоятельности — например, случаи Ирака и Ливии. В то же время комбинация существующих концептов — тема отдельного исследования. Данная статья была нацелена на привлечение внимания к проблеме экспликации того, что есть *крушение государства*.

Список литературы

- Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвилль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // Полис. Политические исследования. 2019а. № 2. С. 8–23. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>
- Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвилль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Опыт эмпирического исследования // Полис. Политические исследования. 2019б. № 3. С. 49–68. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04>
- Бартенев В.И. От «несостоявшихся государств» к «неустойчивым состояниям»: логика понятийной эквилибристики // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 26–41.
- Белков П.Л. Раннее государство, протогосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. В.А. Попов. М.: Издат. фирма «Вост. лит.», 1995. С. 165–187.
- Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротяева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 235–258.
- Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
- Воробьев Д.В. Ирокезы (XV–XVIII в. н.э.) // Цивилизационные модели политогенеза / Отв. ред. Д.М. Бондаренко, А.В. Коротяев. М.: Институт Африки РАН, 2002. С. 179–197.
- Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 319 с.
- Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. От раннего государства к зрелому. М.: URSS, 2010. 368 с.
- Даймонд Дж. Коллапс. М.: АСТ, 2008. 762 с.
- Коллинз Р. Макросоциологическое предсказание: пример коллапса СССР // Социологический журнал. 2008. №3. С. 5–29.

- Коллинз Р.* Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса // *Время мира. Альманах.* Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 234–278.
- Коротаев А.В.* и др. Системы глобального мониторинга рисков социально-политической дестабилизации: опыт систематического обзора // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, К.В. Мещерина. Волгоград: Учитель, 2018. С. 5–94.
- Коротаев А.В.* Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейского культурно-политического ареала (Южная Аравия: X в. до н.э. — IV в. н.э.) // *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции.* Памяти Л.Е. Куббеля / Под ред. В.А. Попова. М.: Наука, 1993. С. 295–320.
- Коротаев А.В.* Северо-Восточный Йемен (I–II тыс. н.э.) // *Цивилизационные модели политогенеза* / Под ред. Д.М. Бондаренко, А.В. Коротаева. М.: Институт Африки РАН, 2002. С. 196–223.
- Ляхман Р.* Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2010. 456 с.
- Мелешкина Е.Ю.* Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? // *Политическая наука.* 2011. № 2. С. 9–27.
- Мельвилль А.Ю., Ефимов Д.Б.* «Демократический Левиафан»? Режимные изменения и государственная состоятельность — проблема взаимосвязи // *Политическая наука.* 2016. № 4. С. 43–73.
- Нефёдов С.А.* Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. 141 с.
- Патцельт В.Дж.* Прочтение истории: очерк эволюционной морфологии // *МЕТОД.* 2014. Вып. 4. С. 228–260.
- Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства: 1990–1992 гг. М., 2009. 228 p.
- Турчин П.В.* Историческая динамика: на пути к теоретической истории. 2-е изд. М., 2010. 368 с.
- Фуко М.* Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 уч. г. СПб.: Наука; М., 2011. 544 с.
- Bah A.B.* State Decay: A Conceptual Frame of Failing and Failed States in West Africa // *International Journal of Politics, Culture, and Society.* 2012. Vol. 25. No. 1/3. P. 71–89.
- Bates R., Greif A., Singh S.* Organizing violence // *Journal of Conflict Resolution.* 2002. № 5. P. 599–628.
- Berwick E., Fatini C.* State Capacity Redux: Integrating Classical and Experimental Contributions to an Enduring Debate // *Annual Review of Political Science.* 2018. Vol. 21. P. 71–91.
- Best H., Higley J.* The Palgrave handbook of political elites. London: Palgrave, 2018. 698 p.
- Bøås M., Jennings K.* «Failed States» and «State Failure»: Threats or Opportunities? // *Globalizations.* 2007. №4. P. 475–485. <https://doi.org/10.1080/14747730701695729>
- Call C.T.* Beyond the 'failed state': Toward conceptual alternatives // *European Journal of International Relations.* 2011. No. 2. P. 303–326.
- Call Ch.T.* The Fallacy of the “Failed State” // *Third World Quarterly.* 2008. No. 8. P. 1491–1507.
- Chojnacki S., Menzel A.* State Failure and State Transformation // *The Oxford Handbook of Transformations of the State.* Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 746–761.
- Collapsed States: The Disintegration and Restoration of Legitimate Authority* / ed. by I. W. Zartman. Boulder: Lynne Rienner, 1995. 303 p.
- Collins R.* Explaining the anti-Soviet revolution by state breakdown theory and geopolitical theory // *International Politics.* 2011. No. 48(4/5). P. 575–590.
- Collins R.* Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse // *American Journal of Sociology.* 1995. Vol. 100. No. 6. P. 1552–1593.
- Cooley A., Snyder J.* Ranking the World: Grading States as a Tool of Global Governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 256 p.
- Dingli S.* Is the failed thesis analytically useful? The case of Yemen // *Politics.* 2013. No. 33 (2). P. 91–100.
- Doornbos M.* Failing States or Failing Models? Accounting for the Incidence of State Collapse // *The Other Canon Foundation and Tallinn University of Technology Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics* 27, TUT Ragnar Nurkse Department of Innovation and Governance, 2010. 20 p.
- Englehart N.A.* Governments against States: The Logic of Self-Destructive Despotism / *International Political Science Review.* 2007. Vol. 28. No. 2. P. 133–153.
- Eriksen S.S.* “State Failure” in Theory and Practice: The Idea of the State and the Contradictions of State Formation // *Review of International Studies.* 2011. No. 1. P. 229–247.
- Esty D.C., Goldstone J., Gurr T.R., Surko P., Unger A.* Working Papers: State Failure Task Force Report. McLean, VA: Science Applications International Corporation (November 30), 1995. 83 p.
- Faulstich R.K.* Collapse, Resilience, and Transformation in Complex Societies: Modeling Trends and Understanding Diversity // *Beyond Collapse: Archaeological Perspectives on Resilience, Revitalization, and Transformation in Complex Societies.* Southern Illinois University Press, 2015. P. 3–26.

- Foran J. Discourses and Social Forces: The Role of Culture and Cultural Studies in Understanding Revolutions // *Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches* / ed. by J. Foran. London: Routledge, 1997. P. 197–220.
- Fortin-Rittberger J. Exploring the relationship between infrastructural and coercive state capacity // *Democratization*. 2014. Vol. 21. No. 7. P. 1244–1264.
- Fukuyama F. *State-building: Governance and world order in the 21 st century*. Ithaca: Cornell University Press, 2004. 160 p.
- Fukuyama F. What is Governance? Center for Global Development. Working Paper. No. 314. 2013. 18 p.
- Geddes B., Wright J., Frantz E. Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set // *Perspectives on Politics*. 2014. Vol. 12. No. 2. P. 313–331. <https://doi.org/10.1017/S1537592714000851>
- Geddes B., Wright J., Frantz E. *How dictatorships work: power, personalization, and collapse*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 270 p.
- George A.L., Bennett A. *Case Studies and Theory Development in the Social Sciences*. Cambridge, MA: MIT Press, 2005. 331 p.
- Goldstone J. Pathways to State Failure // *Conflict Management and Peace Science*. 2008. Vol. 25. No. 4. P. 285–296.
- Goldstone J.A. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press, 1991. 608 p.
- Governance in Post-Conflict Societies. *Rebuilding Fragile States* / ed. by D. W. Brinkerhoff. London and New York, NY: Routledge, 2007. 288 p.
- Hanson J.K., Sigman R. Leviathan's Latent Dimensions: Measuring State Capacity for Comparative Political Research. APSA Annual Meeting. 2013. 28 p.
- Helman G.B., Ratner S.R. Saving failed states // *Foreign Policy*. 1992. No. 89. P. 3–20.
- Hendrix C.S. Measuring state capacity: theoretical and empirical implications for the study of civil conflict / *Journal of peace research*. 2010. Vol. 47. No. 3. P. 273–285.
- Lachmann R. Agents of Revolution: Elite Conflicts and Mass Mobilization from the Medici to Yeltsin // *Theorizing Revolutions: Disciplines, Approaches* / ed. by J. Foran. London: Routledge, 1997. P. 71–98.
- Lambach D., Johais E., Bayer M. Conceptualising state collapse: an institutionalist approach // *Third World Quarterly*. 2015. Vol. 36. No. 7. P. 1299–1315.
- Lee M., Zhang N. Legibility and the informational foundations of state capacity // *Politics*. 2016. 79(1). P. 118–132.
- Lehoucq F., Pérez-Liñán A. Breaking Out of the Coup Trap: Political Competition and Military Coups in Latin America // *Comparative Political Studies*. 2014. Vol. 47. No. 8. P. 1105–1129.
- Li J. State Fragmentation: Toward a Theoretical Understanding of the Territorial Power of the State // *Sociological Theory*. 2002. Vol. 20. No. 2. P. 139–156.
- Alternative Routes to State Breakdown: Toward an Integrated Model of Territorial Disintegration // *Sociological Theory*. 2002. Vol. 20. No. 1. P. 1–23.
- Lindvall J., Teorell J. State capacity as power: a conceptual framework. STANCE Work. Pap. Ser. Dep. Political Sci., Lund Univ., Sweden, 2016. 27 p.
- Mann M. The Autonomous Power of The State: Its Origins, Mechanisms, and Results // *Archives of European Sociology*. 1984. No. 25. P. 185–213.
- Mann M. *The sources of social power*. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 560 p.
- Middleton G.D. Nothing lasts forever: environmental discourses on the collapse of past societies // *Journal of Archaeological Research*. 2012. No. 20 (3). P. 257–307.
- Middleton G. *Understanding Collapse: Ancient History and Modern Myths*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 443 p.
- Milliken J., Krause K. State Failure, State Collapse, and State Reconstruction: Concepts, Lessons and Strategies // *Development and Change*. 2002. Vol. 33. No. 5. P. 753–774. <https://doi.org/10.1111/1467-7660.t01-1-00247>
- Nay D. Fragile and Failed states: Critical Perspectives on Conceptual Hybrids // *International Political Science Review*. 2013. Vol. 34. No. 3. P. 326–341.
- Nettl J.P. The state as a conceptual variable // *World politics*. 1968. Vol. 20. No. 4. P. 559–592.
- OECD Development Assistance Committee. *International Engagement in Fragile States*. Annex A. Principles for Good International Engagement in Fragile States and Situations. Paris: OECD, 2007. P. 47–49.
- OECD States of Fragility 2015: Meeting Post-2015 Ambitions, OECD Publishing, Paris. 124 P. <https://doi.org/10.1787/9789264227699-en>.
- Ottaway M. *Rebuilding State Institutions in Collapsed States* // *State Failure, Collapse and Reconstruction* / ed. by J. Milliken. Oxford: Blackwell, 2003. P. 245–266.
- Pepinsky T. *Economic Crises and the Breakdown of Authoritarian Regimes: Indonesia and Malaysia in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 345 p.

- Radcliffe-Brown A.R.* Foreword // *African Political Systems* / ed. by M. Fortes, E.E. Evans-Pritchard. London; N. Y.: KPI; International African Institute, 1987. P. XI–XXIII.
- Renfrew C.* Approaches to Social Archaeology. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. 430 p.
- Rice S.E., Patrick S.* Index of State Weakness in the Developing World. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2008. 47 p.
- Rotberg R.I.* Failed States. Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. State Failure and State Weakness in a Time of Terror. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2004. P. 1–28.
- Schwartz G.M.* From Collapse to Regeneration // *After Collapse: The Regeneration of Societies* / ed. by G.M. Schwartz, J.J. Nichols. Tucson: University of Arizona Press, 2006. P. 3–17.
- Shevsky D.* The Causes and Mechanisms of the Ukrainian Crisis of 2014: A Structural–Demographic Approach // *Cliodynamics*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 1–20.
- Skocpol T.* Bringing the State Back In: Strategies of Analysis in Current Research // Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. *Bringing the State Back In*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 3–37.
- Soifer H.* State Infrastructural Power: Approaches to Conceptualization and Measurement // *Studies in comparative international development (SCID)*, 2008. Vol. 43. No 3–4. P. 231–251. <https://doi.org/10.1007/s12116-008-9028-6>
- Tainter J.* The Collapse of Complex Societies. New York: Cambridge University Press, 1988. 265 p.
- Tilly C.* From mobilization to revolution. Addison Wesley, 1978. 349 p.
- Trampusch C., Palier B.* Between X and Y: How Process Tracing Contributes to Opening the Black Box of Causality // *New Political Economy*. 2016. Vol. 21. No. 5. P. 437–454.
- Turchin P.* Modeling Social Pressures Toward Political Instability // *Cliodynamics*. 2013. Vol. 4. No. 2. P. 241–280.
- Turchin P., Gavrilets S., Goldstone J.A.* Linking micro to macro models of state breakdown to improve methods for political forecasting // *Cliodynamics*. 2017. Vol. 8. No. 2. P. 159–181.
- Turchin P.* Historical dynamics: Why states rise and fall. NJ. Princeton University Press, Princeton, 2003. 255 p.
- United States Agency for International Development (USAID). Failed States Strategy. Washington, DC: USAID, 2005. 18 p.
- vom Hau M.* State Theory: Four Analytical Traditions // *The Oxford Handbook of Transformations of the State*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 132–152.
- Woodward S.L.* The ideology of failed states: Why intervention fails. Cambridge University Press, 2017. 324 p.
- Young M.N.* Group Report: Future Scenarios of Human Environment Systems // *Sustainability or Collapse?: An Integrated History and Future of People on Earth* / ed. by R. Costanza et al. MIT Press, 2007. P. 447–470.

WHAT IS STATE FAILURE?

AN OVERVIEW OF CONCEPTS*

DMITRY SHEVSKY

HSE University, Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to an overview of state failure conceptualization. One of the most popular concepts was failed state after transformed in fragile state. These two concepts are based on weberian understanding of the state that is irrelevant from historical perspective. Also critics have denoted to political labeling, incorrectness and the lack of formalization of these concepts. Since these indices were built for practical purposes, a full-fledged theoretical foundation for the idea of state weakness was elaborated in great details in a concept of state capacity. This concept tries to surpass the narrow weberian understanding of the state and offers three dimensions of state capacity: fiscal-economic, administrative-bureaucratic and the

* The reported study was funded by RFBR, project number 19-111-50550.

control over violence. The drawback of this concept is an absence of the threshold to understand whether the state has experienced state failure or not. The most formalized approach to measure state failure is created within a concept of state collapse. This concept has common with the previous concept because bases on the same features (fiscal, administrative and military). Using this concept faces some difficulties because of different cases are the same according to this concept. Sociology offered a concept of state breakdown which has three points: fiscal crisis, elite conflict and mass mobilization. After analyzing both sociological and anthropological literature the author offers to add to these three criteria two additional: deligitimation (or change of self-description in the system) and territorial disintegration.

Keywords:

state failure; failed state; fragile state; state capacity; state collapse; state breakdown; macrosociology.

References

- Bah A. B. (2012). State Decay: A Conceptual Frame of Failing and Failed States in West Africa. *International Journal of Politics, Culture, and Society*. Vol. 25, No. 1–3. P. 71–89.
- Bartenev V.I. (2017). Ot “nesostojavshihhsja gosudarstv” k “neustojchivym sostojanijam”: logika ponjatijnoj jekvilibristik [From ‘failed states’ to ‘states of fragility’: Logic of conceptual acrobatics]. *Polis. Politicheskie issledovanija*. No. 2. P. 26–41.
- Bates R., Greif A., Singh S. (2002). Organizing violence. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 46, No. 5. P. 599–628.
- Belkov P.L. (1995). Rannee gosudarstvo, predgosudarstvo, protogosudarstvo: igra v terminy? [Early state, pre-state, proto-state: game terms?]. *Rannie formy politicheskoy organizacii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti*. Moscow. P. 165–187.
- Berent M. (2000). Bezgosudarstvennyj polis: rannee gosudarstvo i drevnegrecheskoe obshhestvo [The Stateless Polis: the Early State and the Ancient Greek Community]. *Alternativnye puti k civilizatsii*. Moscow: Logos. P. 235–258.
- Best H., Higley J. (2018). *The Palgrave handbook of political elites*. London: Palgrave. 698 p.
- Bøås M., Jennings K. (2007). ‘Failed States’ and ‘State Failure’: Threats or opportunities? *Globalizations*. No. 4. P. 475–485. <https://doi.org/10.1080/14747730701695729>
- Brinkerhoff D.W. (ed.) (2007). *Governance in Post-Conflict Societies. Rebuilding Fragile States*. London and New York, NY: Routledge. 288 p.
- Call C.T. (2008). The Fallacy of the ‘Failed State’. *Third World Quarterly*. Vol. 29, No. 8. P. 1491–1507.
- Call C.T. (2011). Beyond the ‘failed state’: Toward conceptual alternatives. *European Journal of International Relations*. Vol. 17, No. 2. P. 303–326.
- Chojnacki S., Menzel A. (2015). State Failure and State Transformation. *The Oxford Handbook of Transformations of the State*. Oxford: Oxford University Press. P. 746–761.
- Collins R. (1995). Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse. *American Journal of Sociology*. Vol. 100, No. 6. P. 1552–1593.
- Collins R. (2000). Predskazanie v makrosociologii: Sluchaj Sovetskogo kollapsa [Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse]. In: Rozova N.S. (ed.) *Vremya mira. Al'manakh. Vyp.1: Istoricheskaya makrosotsiologiya v XX veke*. Novosibirsk: NGU. P. 234–278.
- Collins R. (2011). Explaining the anti-Soviet revolution by state breakdown theory and geopolitical theory. *International Politics*. Vol. 48, No. 4-5. P. 575–590.
- Cooley A., Snyder J. (2015). *Ranking the World: Grading States as a Tool of Global Governance*. Cambridge: Cambridge University Press. 256 p.
- Diamond D. (2008). *Kollaps* [Collapse]. Moscow: AST. 762 p.
- Dingli S. (2013). Is the failed thesis analytically useful? The case of Yemen. *Politics*. Vol. 33, No. 2. P. 91–100.
- Doornbos M. (2010). Failing States or Failing Models? Accounting for the Incidence of State Collapse. In: *The Other Canon Foundation and Tallinn University of Technology. Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics 27*. TUT Ragnar Nurkse Department of Innovation and Governance. 20 p.
- Engelhart N.A. (2007). Governments against States: The Logic of Self-Destructive Despotism *International Political Science Review*. Vol. 28, No. 2. P. 133–153.
- Eriksen S.S. (2011). “State Failure” in Theory and Practice: The Idea of the State and the Contradictions of State Formation. *Review of International Studies*. Vol. 37, No. 1. P. 229–247.
- Esty D.C., Goldstone J., Gurr T.R., Surko P., Unger A. (1995). *Working Papers: State Failure Task Force Report*. McLean, VA: Science Applications International Corporation. 83 p.

- Faulseit R.K. (2015). Collapse, Resilience, and Transformation in Complex Societies: Modeling Trends and Understanding Diversity. In: Faulseit R. K. (ed.) *Beyond Collapse: Archaeological Perspectives on Resilience, Revitalization, and Transformation in Complex Societies*. Southern Illinois University Press. P. 3–26.
- Foran J. (1997). Discourses and Social Forces: The Role of Culture and Cultural Studies in Understanding Revolutions. In: Foran J. (ed.) *Theorizing Revolutions: Disciplines, approaches*. London: Routledge. P. 197–220.
- Fukuyama F. (2004). *State-building: Governance and world order in the 21st century*. Ithaca: Cornell University Press. 160 p.
- Fukuyama F. (2013). What is Governance? Center for Global Development. Working Paper. No. 314, 2013. 18 p.
- Geddes B., Wright J., Frantz E. (2014). Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set. *Perspectives on Politics*. Vol. 12. No. 2. P. 313–331. <https://doi.org/10.1017/S1537592714000851>
- Geddes B., Wright J., Frantz E. (2018). *How dictatorships work: power, personalization, and collapse*. Cambridge University Press. 270 p.
- George A.L., Bennett A. (2005). *Case Studies and Theory Development in the Social Sciences*. Cambridge, MA: MIT Press. 331 p.
- Gellner E. (1991). *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress. 319 p.
- Goldstone J. (2008). Pathways to State Failure. *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 25. No. 4. P. 285–296.
- Goldstone J.A. (1991). *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press. 608 p.
- Grinin L.E. (2010). *Gosudarstvo i istoricheskij process* [State and Historical Process], Moscow: URSS. 368 p.
- Hanson J.K., Sigman R. (2013). Leviathan's Latent Dimensions: Measuring State Capacity for Comparative Political Research. APSA Annual Meeting. 28 p.
- Helman G.B., Ratner S.R. (1992). Saving failed states. *Foreign Policy*. No. 89. P. 3–20.
- Korotaev A.V. (1993). Nekotorye obshchie tendentsii i faktory evolyutsii sabeynskogo kul'turno-politicheskogo areala (Yuzhnaya Araviya: X v. do n.e. – IV v.n.e.) [Some General Trends and Factors of Evolution of the Sabaeen Cultural-Political Area (Southern Arabia: the 10th century BC – 4th century AD)]. In: Popov V. A. (ed.) *Rannie formy sotsial'noy stratifikatsii: Genesis, istoricheskaya dinamika, potestarno-politicheskie funktsii. Pamyati L. E. Kubbelya*. Moscow: Nauka. P. 295–320.
- Korotaev A.V. (2002). Severo-Vostochnyy Yemen (I–II tys. n.e.) [North-East Yemen (I–II thousand BC)]. In: Bondarenko D.M., Korotaev A.V. (eds.) *Tsivilizatsionnye modeli politogeneza* [Civilizational Models of Politogenesis] Moscow: Institute for African Studies Press, Russian Academy of Sciences. P. 196–223.
- Lachmann R. (1997). Agents of Revolution: Elite Conflicts and Mass Mobilization from the Medici to Yeltsin. In: Foran J. (ed.) *Theorizing Revolutions: Disciplines, approaches*. London: Routledge. P. 71–98.
- Lachmann R. (2010). *Kapitalisty ponevole: Konflikt elit i e'konomicheskie preobrazovaniya v Evrope rannego Novogo vremeni* [Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe]. Moscow: Territoriya budushchego. 456 p.
- Lambach D., Johais E., Bayer M. (2015). Conceptualising state collapse: an institutionalist approach. *Third World Quarterly*. Vol. 36. No. 7. P. 1299–1315.
- Lee M., Zhang N. (2016). Legibility and the informational foundations of state capacity. *Politics*. 79(1). P. 118–132.
- Lehoucq F., Pérez-Liñán A. (2014). Breaking Out of the Coup Trap: Political Competition and Military Coups in Latin America. *Comparative Political Studies*. Vol. 47. No. 8. P. 1105–1129.
- Li J. (2002). State Fragmentation: Toward a Theoretical Understanding of the Territorial Power of the State. *Sociological Theory*. Vol. 20. No. 2. P. 139–156.
- Li R. S. K. 2002. Alternative Routes to State Breakdown: Toward an Integrated Model of Territorial Disintegration. *Sociological Theory*. Vol. 20. No. 1. P. 1–23.
- Lindvall J., Teorell J. (2016). State capacity as power: a conceptual framework. STANCE Work. Pap. Ser. Dep. Political Sci., Lund Univ., Sweden. 27 p.
- Middleton G.D. (2012). Nothing lasts forever: environmental discourses on the collapse of past societies. *Journal of Archaeological Research*. Vol. 20. No. 3. P. 257–307.
- Middleton G. (2017). *Understanding Collapse: Ancient History and Modern Myths*. Cambridge: Cambridge University Press. 443 p.
- Milliken J., Krause K. (2002). State Failure, State Collapse, and State Reconstruction: Concepts, Lessons and Strategies. *Development and Change*. Vol. 33. No. 5 P. 753–774. <https://doi.org/10.1111/1467-7660.t01-1-00247>
- Nay O. (2013). Fragile and Failed states: Critical Perspectives on Conceptual Hybrids. *International Political Science Review*. Vol. 34. No. 3. P. 326–341.

- Nefedov S.A. (2007). *Konceptsiya demograficheskikh tsiklov* [The concept of demographic cycles]. Yekaterinburg. 141 p.
- OECD. (2007). *Principles for Good International Engagement in Fragile States and Situations*. International Engagement in Fragile States. Annex A.OECD Development Assistance Committee. Paris: OECD. P. 47–49.
- OECD. (2015). *States of Fragility 2015: Meeting Post-2015 Ambitions*. Paris: OECD. 124 p. <https://doi.org/10.1787/9789264227699-en>.
- Ottaway M. (2003). Rebuilding State Institutions in Collapsed States. In: Milliken J.(ed.) *State Failure, Collapse and Reconstruction*. Oxford: Blackwell. P. 245–266.
- Patzelt W.J. (2014). Prochtenie istorii: ocherk jevoljucionnoj morfologii [Reading History: An Outline of evolutionary morphology]. *METOD*. No. 4. P. 228–260.
- Pepinsky T. (2009). *Economic Crises and the Breakdown of Authoritarian Regimes: Indonesia and Malaysia in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press. 345 p.
- Radcliffe-Brown A.R. (1987). Foreword. In: Fortes M., Evans-Pritchard E. E. (eds.). *African Political Systems*. London; N. Y.: KPI; International African Institute. P. XI–XXIII.
- Renfrew C. (1984). *Approaches to Social Archaeology*. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts. 430 p.
- Rice S.E., Patrick S. (2008). *Index of State Weakness in the Developing World*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. 47 p.
- Rotberg R.I. (2004). Failed States. Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. In: *State Failure and State Weakness in a Time of Terror*. Washington, DC: Brookings Institution Press. P. 1–28.
- Schwartz G.M. (2006). From Collapse to Regeneration. In: Schwartz G. M., Nichols J. J. (ed.). *After Collapse: The Regeneration of Societies*. Tucson: University of Arizona Press. P. 3–17.
- Shevsky D. (2020). The Causes and Mechanisms of the Ukrainian Crisis of 2014: A Structural–Demographic Approach. *Cliodynamics*. Vol. 11. No. 1. P. 1–20.
- Soifer H. (2008). State Infrastructural Power: Approaches to Conceptualization and Measurement. *Studies in comparative international development (SCID)*. Vol. 43. No. 3–4. P. 231–251.
- Tainter J. (1988). *The Collapse of Complex Societies*. New York: Cambridge University Press. 265 p.
- Tilly C. (1978). *From mobilization to revolution*. Addison Wesley. 349 p.
- Trampusch C., Palier B. (2016). Between X and Y: How Process Tracing Contributes to Opening the Black Box of Causality. *New Political Economy*. Vol. 21. No. 5. P. 437–454.
- Turchin P. (2013). Modeling Social Pressures Toward Political Instability. *Cliodynamics*. Vol. 4. No. 2. P. 241–280.
- Turchin P.V. (2010). *Istoricheskaya dinamika: na puti k teoreticheskoy istorii* [Historical Dynamics: Why States Rise and Fall]. Moscow. 368 p.
- Turchin P. (2003). *Historical dynamics: Why states rise and fall*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 255 p.
- Turchin P., Gavrilets S., Goldstone J.A. (2017). Linking micro to macro models of state breakdown to improve methods for political forecasting. *Cliodynamics*. Vol. 8. No. 2. P. 159–181.
- USAID. (2005). *Failed States Strategy*. United States Agency for International Development. Washington, DC: USAID. 18 p.
- vom Hau M. (2015). State Theory: Four Analytical Traditions. In: *The Oxford Handbook of Transformations of the State*. Oxford: Oxford University Press. P.132–152.
- Vorobyov D. V. (2002). Irokezy (XV–XVIII v. n.je.) [Iroquois (15th – 18th century AD)]. *Tsivilizatsionnye modeli politogeneza*. Moscow: Institute of African studies. P. 179–197.
- Weber M. (1990). Politika kak prizvanie i professiya [Politics as a Vocation]. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Progress. P. 644–706.
- Woodward S. L. (2017). *The ideology of failed states: Why intervention fails*. Cambridge: Cambridge University Press. 324 p.
- Young M.N. (2007). Group Report: Future Scenarios of Human–Environment Systems. In: Costanza R. et al. (eds) *Sustainability or Collapse? An Integrated History and Future of People on Earth*. Cambridge: MIT Press. P. 447–470.
- Zartman I.W. (ed.) (1995). *Collapsed States: The Disintegration and Restoration of Legitimate Authority*. Boulder: Lynne Rienner. 303 p.